

8.30. Первый шаг к синей клетке. Ее подарили мне на день рождения. Внутри — бумажки, лежащие, висающие, парящие, скомканные. На них мои друзья написали свои мысли, любимые изречения, которые им хотелось, чтобы я увидела в каком-то из пробуждений. Сегодня выпало: «На пути к самому себе есть вероятность встретиться с самим собой». Вектор дня возник.

9.00. За кофе стеганули размышления, ненужные, неутренние. У меня кризисный период: меня тянет двигаться дальше из точки, где я — художник-модельер. Но, к сожалению, детище, которое я родила — «Центр моды», — живой организм. Он требует постоянных заботы и присутствия. Когда я десять лет назад гевала свои ателье-салоны — силища были немеренные, справились играючи. Что же я, ученый-химик, после квантовой механики не в состоянии освоить менеджмент, маркетинг, налогообложение и финансовое планирование? Это все семечки.

Тогда же сформулировала для себя, что такое деньги: это степень обеспечения моих свобод. Больше мне не нужно. Если выйти за пределы, то начнется процесс разрушения. Но сдерживать расширение рамок очень трудно.

10.00. По пути в ателье завезла в суд бумагу — мои должностные обязанности как директора. То есть входит ли в них посадка травы в межствольном пространстве. Я с лета сужусь с районной администрацией, которая наложила штраф и даже не за то, что трава вокруг деревьев, расходящихся возле моего салона, не посеяна, а за то, что она вовремя не взойшла! Оно понятно. Не комитет же по благоустройству города штрафовать. Откуда у них деньги на посадку травы...

Можно, конечно, заплатить. Сумма небольшая. Но я отношусь к людям, которые плохо переносят унижения со стороны государства, не могу позволить вымогать деньги таким беспардонным образом, и здесь готова стоять

на смерть. Чтобы стоять на смерть, надо на что-то опереться. Я опираюсь на ГПК и УПК. Оба кодекса мной затвержены, как «Отче наш», и знание закона дает потрясающую уверенность.

Это единственное, чему меня научили в Штатах, где я месяц в числе семи женщин-предпринимательниц занималась в Американской школе малого бизнеса. Звучит весомо, но они дети по сравнению с нами. В нашей ситуации все их советы выглядели новогодней мишурой. Это все равно, что дикорастущей колючке из пустыни объяснять, как можно замечательно расти, когда тебя поливают, ухаживают. Мы там просто смеялись. А после того как рассказали им про наше налогообложение, про то, какое количество инстанций нужно пройти, чтобы зарегистрировать фирму, они и вовсе завалили... У них для этого достаточно иметь водительские права, открыть счет в банке и послать письмо в нужную инстанцию. Все.

12.00. Добралась до работы. А на работе я кто? А на работе я — администратор, директор и художник. Едина в трех лицах, и эти три лица пребывают друг с другом в непрерывном конфликте.

Мы сейчас делаем коллекцию. Лицо-художник село рисовать, только что-то начало получаться — нагрнула санэпидемстанции и велела в течение двух дней заключить договоры на вывод тараканов и крыс и на вывод люминесцентных ламп.

Лицо-администратор бросилось на амбразуру и кое-как отбилась. Лицо-художник снова попыталось сосредоточиться на коллекции, но теперь вместо потного вала вдохновения внутри закипел финансовый спор с лицом-дирек-

Анкета

Удовольствие, в котором себе не можешь отказать: Пятьдесят грамм водки после работы. Или сто... Это тумблер, который помогает мне переключиться с меня обыденной на ту, что мне важнее и интереснее. убрать мусор, суету... Ванна по утрам, лежа в которой я смотрю на небо через огромное окно...

Последний сумасшедший поступок: Прервала деловую встречу, поймала такси и уехала в деревню, села там под яблоней на металлическую кровать и попыталась посчитать луны, потому что... Надо мне это было, вот почему... Кстати, для чего и нужны деньги: вызвать такси, которое отвезет тебя туда, где тебе надо быть в эту минуту. Это необычайная роскошь и я, которая может себе это позволить, — счастливейшая женщина.

Последний подарок, сделанный кому-то без повода: ...Вот... убита вопросом... скупа, что ли?

Любимый фильм: «Неоконченная пьеса...».

Житейская мечта: Да нет у меня мечты...

Последняя крупная покупка: Компьютер сыну, с появлением которого долги боролась.

На что еще ты больше всего уходишь денег: калею, но на удовлетворение порок в — красное вино, хорошие сигареты, деликатесы. При этом за электричество никак не могу заплатить, счет огромный.

Нелюбимая программа: Ящик не смотрю.

Политическая симпатия: Откуда? Пока страна не зовет к ружью, мой дом — моя крепость, и не надо громко стучать в дверь, обитую войлоком.

Последняя причина слез: Тоска по своему единственному человеку. Осознание, что в этой жизни я могу не заслужить встречу.

Кому последний раз позавидовала: Счастливой паре, которая, во всяком случае со стороны, выглядит как единое целое.

Чем в себе недовольна: ...Возбуждаюсь я не по делу и травмирую людей. Могу сгоряча закатить арию на повышенных тонах.

Алла МАЛЫХИНА — художник-модельер, хозяйка салона-ателье

сейчас какой-то бзик. Не нужны мне тряпки из-под станка. Чем проще, чем рванее, тем милее. Наверное, это профессиональный протест. Возжусь с дорогой тканью, а сама в холщовой рубашке, стиранных-перестиранных штанах, в ботинках.

17.30. В салоне за вчерашний день — три продажи. Погода ис-

юсь построениями, а тут пришлось: им, видите ли, нужно больше моделей для примерки, тогда легче будет работать. Ну и рывкнула. Это было страшно для них, тяжело для меня.

Швея начала было говорить: «Первый раз... сказали... можете без нас», — и запнулась, и заплакала. И мы с ней на пару ка-а-ак расплачемся. И я пошла в цех, и поклонилась, и попросила прощения, и сказала, что они мне очень дороги. И все ка-а-ак расплакались. В общем, индийское кино.

21.00. Дома — Вика Хлебникова, художница, мы с ней вместе делали костюмы к спектаклю «Вечность» по Павичу. Я предоставила свою обитель под киностудию. Мы решили снять фильм по «Пустоцвету» Брюсова. Моя домашняя мастерская из глиняной, японской, соломенной, холщовой превратилась в театральную фантазмагорию...

Три часа трывдели, обсуждая сценарий. Там героиня — женщина Серебряного века, с чуть параноидальными, истеричными проявлениями, которую поиски чего-то уво-

ОДИН ДЕНЬ ЖИЗНИ

НЕОБЫЧНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА

тором, у которого зарплаты, налоги, дебетовые с кредитами и нет средств на творческие эскерсисы, которые заводом не принесут прибыли. У меня одевается средний класс. Ему не нужны экстравагантные наряды, ему не нужно, чтобы на него — с восхищением ли, с осуждением ли — оглядывались на улице. Ему нужен комфорт, который дает незаметность. Я его понимаю. Мне и самой не хочется вступать во взаимодействие с улицей. Я даже выстроила дом с высокими стенами. С этими же стенами перемещаюсь по городу. Но художнику-модельеру во мне от этого понимания не легче.

От отчаяния полчаса каталась по мосту. Туда. Обратно. Туда. Обратно. Из транса вывел мой умница-водитель, резко затормозив (он из любой ситуации умеет вывести меня в радость). Приложилась с размаху лбом к стеклу — и сразу полегчало.

15.00. Отправилась на текстильный склад за тканью, из которой делается последняя коллекция. Это суровое полотно из от-

ходов производства. В миру из него шьют рукавицы и стоит оно 22 рубля метр. Мы разрисовываем его красками, режем на полосы и вяжем крупными спицами фрагменты костюма.

На складе меня здорово огорчили: последние пятьдесят метров забрали за наличку. Но — на рукавицы! А мы же на творчество! Ну как же так! Пообещали исправиться через неделю.

16.30. На обратном пути завернула, чтобы утешиться, в «секонд-хенди»: последние пятьдесят метров забрали за наличку. Но — на рукавицы! А мы же на творчество! Ну как же так! Пообещали исправиться через неделю.

В первое посещение было дико, стыдно, хотелось тут же помыть руки. А потом — бац! — отрыла майку для сына-подростка, которому сейчас трудно угодить. И капюшон у нее какой надо, и вытерта она до нужной степени. Вещь с судьбой, вещь с биографией. На этой вытертости жизнью у меня

портилась — и никого, и ничего, и никак. Сегодня тоже пусто. А завтра платить зарплату и немереную аренду. Задержать зарплату не могу, у меня в основном работают одинокие женщины с детьми. Задержать аренду не позволят...

18.00. Просмотрела модели из коллекции «Город». Внесла коррективы. Обсудили эскизы и слогапы для витрины. Так и не решили, привлекать или нет к презентации модельные агентства. У них такие ляпы бывают! Там как? Подходит размер — и ладно. В результате — полное несоответствие лица и образа. На покупателях, когда встречаю в городе, такого, чтобы — ой! — не было ни разу.

19.20. В кабинет протиснулась пожилая швея. Вчера в цехе я сорвалась: «Кого что-то не устраивает — заявление на стол!». У меня бывает жесткий тон, и люди боятся. Я могу прийти, говорить тосты — «родные мои...», делиться с ними проблемами, но если что-то не так... Одно слово — буйный холерик. В цехе я редко занима-

дят все дальше от реальности. Бешено интересно. В конце концов от Брюсова мало что осталось.

24.30. Перед сном, выкуривая на моей любимой террасе последнюю сигарету, наблюдала супружеский скандал у ворон. Он проходил по всем классическим законам. Они друг на друга скакивали, ругались в полный клюв, во все воронье горло. Отчетливо звучали то мужской, то женский монолог. Он улетал на дерево, она кричала, сидя на крыше. Он пикировал на нее. Бил крыльями, как кулаком по столу, о крышу и, по-моему, матерился. Натуральная сцена ревности.

Мне стало неудобно, словно я подсматриваю в замочную скважину. В конце концов ворона демонстративно ушла за трубу и не желала оттуда возвращаться... Я подозреваю, что когда-нибудь во время человеческого скандала эта картинка возникнет у меня в памяти и, может быть, развеселит. И я рассмеюсь, вместо того чтобы уйти за трубу...